
НАСЛЕДИЕ

Аброськина Е.В.

«СВОБОДНЫЕ ЖЕНЩИНЫ ВОСТОКА»:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ
ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В ЭКСПОЗИЦИЯХ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ В 1920–30-е гг.*

Аброськина, Евгения Вячеславовна — магистр музеологии, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Россия, Москва, evgeniia.abroskina@gmail.com.

В статье анализируется репрезентация советской политики в области женского вопроса в экспозициях Государственного музея этнографии в 1920–30-е гг. В качестве примера приводится отображение положения женщины на советском Востоке в экспозициях музея. Автор также анализирует концепцию «новой женщины», предложенную А.М. Коллонтай, и рассматривает, каким образом эта идея нашла отображение в экспозиции. Традиционно, в советской риторике женщины из мусульманских регионов бывшей Российской империи рассматривались как жертвы патриархального и капиталистического строя, над ними довели нормы религиозного и обычного права. Советская власть, путем распространения коммунистических идей через женотделы, периодические издания, кинематограф, стремилась освободить «женщин Востока». Освобожденная женщина должна была обладать равными правами с мужчинами, участвовать в коллективном труде и общественной работе, имела право на досуг и помощь со стороны государства. Два этих образа — закабаленной и освобожденной женщины Востока — нашли отражение в экспозициях Государственного музея этнографии, они должны были наглядно демонстрировать угнетенное положение женщины в дореволюционный период и позитивные изменения, которые привнесла советская власть.

Ключевые слова: Российский этнографический музей, музейные экспозиции, женский вопрос, «новая женщина», советский Восток.

“FREE WOMEN OF THE EAST”: REPRESENTATION OF THE SOVIET POLICY
IN THE FIELD OF WOMAN QUESTION ON THE EXHIBITIONS
OF THE STATE MUSEUM OF ETHNOGRAPHY IN THE 1920^s–1930^s

Abroskina, Evgeniia Vyacheslavovna — Master of Arts (in Museology), the Research Fellow, the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Moscow, evgeniia.abroskina@gmail.com.

The article analyzes the representation of the Soviet policy in the field of women’s issues in the expositions of the State Museum of Ethnography in the 1920^s and 1930^s. The display

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (грант № 22–28–00052 «Культура истории и история культуры: основные аспекты эволюции историко-культурных исследований в СССР в 1931–1941 гг.»).

of the position of women in the Soviet East in the museum's expositions is given as an example. The author also analyzes the concept of the "new woman" proposed by A.M. Kollontai, and considers how this idea was reflected in the exposition. Traditionally, in Soviet rhetoric, women from the Muslim regions of the former Russian Empire were seen as victims of the patriarchal and capitalist order, they were dominated by the norms of religious and customary law. The Soviet government, through the dissemination of communist ideas through zhenotdels, periodicals, and cinema, sought to free the "women of the East". A liberated woman had to have equal rights with men, to participate in collective labor and social work, had the right to leisure and assistance from the state. These two images—the enslaved and liberated women of the East—were reflected in the expositions of the State Museum of Ethnography, they were supposed to clearly demonstrate the oppressed position of women in the pre-revolutionary period and the positive changes that the Soviet government brought.

Keywords: Russian Ethnographic Museum, museum exhibitions, women's issue, "new woman", Soviet East

Первый всероссийский музейный съезд, прошедший в декабре 1930 г., провозгласил музейные экспозиции орудием мобилизации широких масс для активного участия в социалистическом строительстве. Музей был призван формировать у посетителей идеологически верное представление о миссии и достижениях нового государства. Советская власть регулярно ставила себе в заслугу тот факт, что она принесла своим гражданам право быть равными: равенство распространялось на социальные классы, национальности и гендерные взаимоотношения. Благодаря коммунистической идеологии, был сформирован образ «нового советского человека», который отличался грамотностью, любовью к труду и прогрессу, отрицал суеверия и служил коммунистической идее. Наравне с «новым человеком» в советской риторике появляется концепция «новой женщины», автором которой выступила идеолог женского социалистического движения А.М. Коллонтай. На музей ложилась задача продемонстрировать «старых» и «новых» людей, согласно советской идеологии.

В нашем исследовании мы рассмотрим репрезентацию концепции «новой женщины» на примере экспозиций крупнейшего этнографического музея СССР—Государственного музея этнографии (далее—ГМЭ) в Ленинграде в 1920–1930-е гг. Несмотря на то, что существует внушительная историография по исследованиям женского движения в России и СССР (И.И. Юкина, Р. Стайтс, И. Жеребкина и др.), репрезентация темы «женского вопроса» в музейных экспозициях изучена слабо и, чаще всего, оказывается второстепенной темой. Так, С.А. Атанова раскрывает тему «освобожденных женщин Востока» на примере музейных предметов—ковров и агитационных плакатов¹. Затрагивает тему женского вопроса в музейном показе и С.С. Петряшин, описывая «фабульную экскурсию» о трех поколениях узбекских женщин в ГМЭ². Репрезентации женского вопроса в выставочном пространстве посвящено исследование С. Рэйд, которая на примере выставки «Индустрия социализма» показывает, как женская фигура становилась основным инструментом показа происходящих в СССР позитивных перемен³. Однако, тексты,

¹ Атанова С.А. «Боритесь за освобождение женщины Востока!». Советские ковры и плакаты за эмансипацию женщин Центральной Азии в 1920–1930-е гг. // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 140–170.

² Петряшин С.С. Соцреализм и этнография: изучение и репрезентация советской современности в этнографическом музее 1930-х гг. // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 151.

³ Reid S.E. All Stalin's Women: Gender and Power in Soviet Art of the 1930s // Slavic Review. 1998. Vol. 57. № 1. P. 133–173.

посвященные отображению в музеях советской политики в области женского вопроса, отсутствуют. Вероятно, это связано с весьма коротким периодом интереса советской власти к положению женщин. Уже в 1930 г. «управлявшийся женщинами механизм освобождения — Женотдел — был ликвидирован, и женский вопрос официально стал считаться “решенным”»⁴. Таким образом, достижения советской власти в области женской эмансипации, которые во многом были присвоены ею у Временного правительства⁵, подавались как один из многочисленных примеров успешности новой идеологии.

В 1930-е гг., после проведения Первого всероссийского музейного съезда, экспозиционное пространство в музее было принято делить на две смысловые части — до Октябрьской революции и после. «Женский вопрос» демонстрировался как в дореволюционном разделе, так и при показе новой советской реальности. Помимо постоянных экспозиций, проводились также тематические выставки, приуроченные к празднику 8 марта.

В нашем исследовании мы стремились описать процесс репрезентации «женского вопроса» в этнографических экспозициях, опираясь на такие архивные источники, как тематико-экспозиционные планы ГМЭ, экспедиционные отчеты и др. В качестве примера мы выбрали экспозиции, посвященные народам советского Востока, где «женский вопрос» был продемонстрирован наиболее широко. Как убедительно отмечает С. Рэйд: «Поскольку большевики считали женщин самым отсталым и угнетенным элементом дореволюционного общества, особенно в русской деревне и в бывших царских колониях Средней Азии, женские фигуры могли наиболее ярко продемонстрировать контраст между “старым и новым”»⁶. Нашей задачей было проанализировать концепцию «новой женщины» и показать, каким образом она была отражена в экспозициях музея. Мы также стремимся продемонстрировать процесс трансформации показа «женского вопроса» в зависимости от политического контекста, сопровождающего экспозиционное строительство.

Концепция «новой женщины»

В 1913 г. А.М. Коллонтай написала статью «Новая женщина»⁷, являющуюся результатом анализа произошедших в обществе гендерных трансформаций. В статье автор выводит ряд особенностей, по которым можно определить «новую женщину»: это и умение владеть собой, не поддаваясь эмоциям, и самостоятельность, и накопление «общечеловеческих моральных свойств и переживаний», и полноценность. А.М. Коллонтай вводит также понятия «женщина-личность», т.е. «самоценный человек», «женщины-люди» и др. Новая женщина не безлична, она субъектна и современна: «Рабочему классу для выполнения своей социальной миссии нужна не слуга мужа, не безличная семьянинка, обладающая пассивными женскими добродетелями, а восставшая против всякого порабощения “бунтующая” личность, активный, сознательный и равноправный член коллектива,

⁴ *Стаймс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930. М., 2004. С. 467.

⁵ Как справедливо отмечает И.И. Юкина: «Женские политические права под давлением женского движения законодательно были закреплены за женщинами всех классов и состояний Временным правительством. <...> Таким образом, ни советское правительство, ни партия большевиков не имели никакого отношения к факту получения женщинами России политических прав». См.: *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 479.

⁶ *Reid S.E.* All Stalin's Women: Gender and Power in Soviet Art of the 1930s. P. 137.

⁷ В 1919 г. статья была издана в сборнике «Новая мораль и рабочий класс».

класса»⁸. Существуют, по мнению автора, и женщины «переходного типа», которые обладают «чертами одновременно и старой и новой женщины»⁹. Что касается «старой женщины», то она во многом оказывается жертвой капитализма и патриархального строя, который А.М. Коллонтай называет «миром стонов и слез»¹⁰. Вынужденная существовать в трех ипостасях — работницы, хозяйки и матери — женщина старого мира страдает от тяжести, возложенных на нее забот. В то же время коммунистическая идея должна привнести в ее жизнь позитивные перемены, решая бытовые проблемы при помощи «развития сети общественного питания, прачечных, гладилен, пошивочных мастерских и пр.»¹¹.

Образ новой женщины нашел свое отображение в целом спектре инструментов советской пропаганды. Так, на службу новой идеологии приходит кинематограф: «Режиссер (С.М. Эйзенштейн — Е. А.) в динамике выстраивает образ “новой женщины”, скрывая за ним в целом мифологему “нового человека”, рожденного Революцией»¹². Эта новая женщина отличается не только своим мировоззрением, о котором писала А.М. Коллонтай, но и внешним видом, она становится «бесполом человеком-женщиной», который «одет как мужчина»¹³. Перемены, произошедшие в образе советской женщины являются по настоящему радикальными, стремление выйти за рамки образа «старой женщины» приводит к размыванию гендерных границ, которые до революции весьма четко прослеживались во внешнем облике или манерах. Новая женщина в 1920-х гг. предстает на страницах периодических изданий в образе медсестры или бойца гражданской войны: «она была скромна, тверда, преданна, отважна, смела, трудолюбива, энергична и часто молода»¹⁴.

Помимо рожденных в революции «новых женщин» в советском дискурсе существовали группы женщин, которых можно определить как «старых» или «бывших» женщин. Прежде всего, это беспартийные женщины, принадлежащие до революции к привилегированным классам: «молодых беспартийных интеллигенток называют “барышнями”, по контрасту с комсомолками, которых называют “девчатами”. “Барышни” и “девчата” различались внешне. Например, барышни — с длинными волосами, а девчата — с короткими. Девчата — румяные, а барышни — бледные»¹⁵. Другой группой были «бабы» — деревенские, непросвещенные женщины, на работе с которыми концентрировались Женотделы. Важную роль в работе с деревенскими женщинами играли периодические издания¹⁶, «на страницах которых женщина недавних социальных низов представляла как субъект социальных действий и значимая участница грандиозных социальных процессов»¹⁷. Нельзя

⁸ Коллонтай А.М. Новая женщина. См. по адресу: http://www.odinblago.ru/novaia_moral/1 (ссылка последний раз проверялась 29.10.2022).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Алферова И.В. Большевицкая женская печать 1920-х гг. как средство социального конструирования «новой советской женщины» // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 3. С. 110.

¹² Смагина С.А. «Новая женщина» в советском кинематографе 1920-х гг. как феномен // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 263.

¹³ Там же.

¹⁴ Бородин А., Бородин Д. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-х–30-х годах // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь, 2000. С. 45–51.

¹⁵ Чуйкина С. Дворянская память. «Бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 101.

¹⁶ Журналы «Работница» (1923 г.), «Крестьянка» (с 1922 г.), «Делегатка» (1923–1931 гг.), «Коммунистка» (1920–1930 гг.), «Общественница» (1936–1941 гг.).

¹⁷ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 447.

недооценить значение женских журналов, ставивших своей задачей просветить «бабу» или «батрачку». Важно отметить, что аудиторию журнала составляли не только женщины, но и мужчины, которые, хоть и посмеивались над «бабской евангелью»¹⁸, но активно читали «Крестьянку» и «Работницу».

Как и многие другие культурные процессы, трансформация «бабы» и «барышни» в «новую женщину» была завершена к 1930-м гг. В то же время, это уже не была «новая женщина» в понимании коммунистов 1920-х гг.: рожденная из огня, свободная, равная мужчине. В 1930-е гг. происходит консервативный поворот в обществе, который приводит к пересмотру старых категорий: важность семьи, материнства. На смену «бойцу» и «товарищу» приходит «советская женщина», которая помимо успехов на производстве и в партийной работе, занимается домом и растит детей. Образ советской женщины «сочетал в себе традиционные и революционные стандарты: она должна была быть “преданной, трудолюбивой, аскетичной, как ее бабушка времен революции”, оставаясь одновременно “любящей матерью и хранительницей домашнего очага”»¹⁹.

Музей

В 1920–1930-е гг. перед музеем, как и перед кинематографом и периодическими изданиями, стояли конкретные идеологические задачи, решение которых должно было помочь государству сформировать новое советское общество. Этнографические музеи в свою очередь должны были демонстрировать новую культуру и быт народов СССР, национальных по форме и социалистических по содержанию. Одним из ключевых музеев такого профиля был ленинградский этнографический музей, который в дореволюционное время был задуман как Этнографический отдел Русского музея императора Александра III (1902–1918), а в дальнейшем не раз менял имя, дольше всего просуществовав как Государственный музей этнографии (1934–1948) народов СССР (1948–1992). Несмотря на то, что Этнографический отдел был частью проекта по созданию императорского Русского музея, открытие экспозиций откладывалось из-за происходящих в России политических перемен и состоялось лишь в 1923 г. Однако, советская идеология мало повлияла на начальный период развития музея: с одной стороны, молодое государство было сконцентрировано на других формах политической агитации (пресса, выступления, агитпоезда), а с другой стороны, в музее на тот момент работали ученые, чье представление о науке и ее назначении разнилось с представлениями большевиков. Для таких известных этнографов, как А.А. Миллер, С.И. Руденко, Б.Г. Крыжановский, Д.А. Золотарев музей представлял собой площадку для презентации научного знания, которое формировалось путем многолетних этнографических исследований. Первая экспозиция музея была куда более интересна специалистам, нежели мало подготовленному зрителю. Лишенная подробного этикетаж, она была построена по научному принципу и игнорировала степень осведомленности потенциального музейного посетителя.

Таким образом, можно сказать, что события Октябрьской революции не стали здесь причиной разрыва внутри научного знания: этнографы в 1920-е гг. продолжали развивать те идеи, которые были сформированы в дореволюционный период. В то же время музей отвечал на вызовы времени, устраивая идеологически корректные экскурсии по экспозиции. Так, 8 марта 1923 г. в этнографических музеях Ленинграда проводятся экскурсии,

¹⁸ Цит. по: Минаева О.Д. Журнал «Крестьянка» в 1920 г.: приемы формирования читательской аудитории // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. № 1. С. 138.

¹⁹ Бородин А., Бородин Д. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-х–30-х годах. С. 45–51.

посвященные Международному дню работниц. Музей этнографии и антропологии при Академии наук подготовил экскурсию по своим экспозициям, рассказывая о «труде женщин на различных ступенях культуры»²⁰. В Этнографическом отделе Русского музея экскурсии рассказывали о том, «как живут женщины при различных формах хозяйств»²¹, о быте женщин Украины, о положении женщин на Кавказе, о положении женщины мусульманки. Несмотря на политическую заряженность текста экскурсий, это было вполне научно-популярное мероприятие: авторами текстов и экскурсоводами были профессиональные этнографы, которые знакомили посетителей со спецификой общественно-экономических и природных условий, в которых проживали народы СССР.

Практика параллельного сосуществования идеологически наполненных экскурсий и нейтральных экспозиций просуществовала до 1930 г., когда был проведен Первый все-русский музейный съезд, послуживший началом трансформации «старорежимных» экспозиций. Работа музейного съезда была сконцентрирована вокруг насущного вопроса: как применить принципы диалектического материализма в музейной работе. Решением поставленного вопроса стало начало перестройки экспозиций и временных выставок в соответствии с советской идеологией. Для новых экспозиций было характерно деление выставочного пространства на несколько блоков: вводная часть, презентация истории и быта народов до революции 1917 г. и процветание этих народов в условиях советской власти. Тема освобождения женщины оказалась вписана в экспозиции наравне с экономическими и образовательными успехами нового государства. Вот как описывает И.М. Пульнер то, какими должны быть экспозиции в этнографических музеях: «следует показать с одной стороны старый семейный жизненный уклад, изолированный, ограниченный; <...> разделение труда в старой семье, обратив особое внимание на положение в ней женщины, воспитание детей; с другой стороны следует показать новую семью, изменения, происшедшие в ней в условиях новых производственных отношений; положение раскрепощенной женщины, воспитание детей, ясли, детплощадки, очаги, школы и т.д.»²².

В то же время показ «женского вопроса» был неоднороден и отличался в зависимости от того, какому народу посвящена экспозиция. В экспозициях, посвященных народам советского Востока, тема избавления женщин была показана масштабнее и ярче, нежели в экспозициях славянских народов.

«Освобожденные женщины Востока»

Для советской риторики было характерно провозглашать освобождение и равенство в правах наиболее угнетенных при царизме групп. К ним традиционно относили женщин, которые в условиях патриархальных законов, чаще всего воспринимались как бесправные жертвы. Внутри группы женщин также были наиболее и наименее угнетенные. Ярким примером наиболее пострадавших от патриархата и капитализма женщин были так называемые «женщины Востока». Традиционно под Востоком понимались мусульманские территории Российской империи (прежде всего, Средняя Азия и Северный Кавказ), где широко были распространены обычаи традиционного и религиозного права. Таким

²⁰ Архив Российского этнографического музея (Далее — АРЭМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 145. Темы и тезисы экскурсий «Международный день работниц». Л. 1.

²¹ Там же.

²² АРЭМ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 13. Еврейская секция. Статья И.М. Пульнера «Вопросы организации этнографических музеев и еврейских отделов при общих этнографических музеях» (Советская этнография). № 3–4. 1931. Л. 5.

образом, женщины воспринимались как жертвы религии, традиции и капитализма. Подтверждением угнетенного положения женщин, по мнению освободителей, становились практики покрывания головы и лица, распространенные в мусульманских регионах, обычаи избегания и затворничества и т.д. Советская власть рассматривала эти практики как архаические, свидетельствующие об интеллектуальной ограниченности представителей мусульманской культуры. Не вдаваясь в дискуссии, можно ли считать Среднюю Азию и Кавказ колониями Российской империи²³, отметим заметное сходство в восприятии положения мусульманской женщины советских этнографов и исследователей из европейских колониальных администраций. Так, французская феминистка Юбертин Оклер с 1900 г. участвовала в кампании по эмансипации мусульманских женщин в Алжире, «которые воспринимались как униженные жертвы ранних браков, покрывания, уединения, полигамии, отречения и “феодалного” патриархата»²⁴. А вот как характеризуют положение восточной женщины авторы тематико-экспозиционного плана «Узбеки в феодальный период» (1936 г.): «Феодальная эксплуатация крестьянства, заставлявшая непосредственных производителей владеть жалкое существование и гнет ее <...> тяжело ложились на женщину. Женщина, по законам мусульманства, выражавших интересы господствующего класса, была изолирована, неполноправна в обществе»²⁵. Таким образом, советская риторика была весьма созвучна с теми колониальными дискуссиями, которые разворачивались в странах-метрополиях во время завоевания Ближнего Востока и Северной Африки.

Важной отличительной характеристикой женщин традиционных обществ, по мнению экспозиционеров, была вынужденная пассивность. Так, И.Н. Иомудская-Бурунова делает доклад о туркменской свадьбе, подчеркивая, что «пассивность положения женщины вообще во всем быту сказывается и в свадебном обряде туркменки»²⁶. Пассивность также находила отражение в немоте, которая была, по мнению этнографов, свойственна для женщин восточных культур. В частности, в описании пережитков, распространенных среди корейцев России, говорилось: «Приниженное положение жены и вообще женщины, которые не допускаются к мужскому столу, не имеют право открыто говорить в мужском обществе и т.п.»²⁷. Отсутствие женского голоса в обществе и безымянность были характерны не только для восточных культур, однако сложилось устойчивое мнение, что именно внутри этих сообществ женщины наиболее бесправны. В обстановочных сценах, которые должны были демонстрировать быт «восточных народов», никогда не демонстрировался женский досуг: женщины изображались либо занятыми работой, либо бездействующими. Так, в обстановочной сцене «Дом крестьянина узбека в феодальный период» (1934 г.) изображался двор, где «женщина печет лепешки, на балконе девочка разбирает коконы»²⁸. В сцене «Дом карачаевца-середняка. Начало XX в.»

²³ В антропологии и истории существуют различные взгляды на то, чем считать процесс присоединения южных территорий. Подробнее см.: *Абашиш С.Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М., 2015.

²⁴ *MacMaster N.* Burning the veil: The Algerian war and the 'emancipation' of Muslim women, 1954–62. New York, 2009. P. 30.

²⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 583. Методическая разработка экскурсии «Узбеки в феодальный период». 1936 г. Л. 2.

²⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 315. Протоколы заседаний этнографической ячейки. Л. 10.

²⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 661. Материалы по организации корейской экспозиции. 1938–1939. Л. 8.

²⁸ Описание фотоколлекции РЭМ «История музея». ИМЗ-23. Л. 6 об.

(1939 г.) на экспозиции «Народы Северного Кавказа в прошлом и настоящем» в зале был построен бревенчатый дом с земляной крышей. Обстановочная сцена демонстрировала хозяина дома за едой и хозяйку, которая стоит у дверей. Под навесом две женские фигуры занимались ткачеством²⁹. При показе интерьера туркменской юрты (1938 г.) была использована обстановочная сцена, демонстрирующая отдыхающих мужчин — хозяина юрты и его гостя, а также женщин за домашней работой (рис. 1)³⁰.

Рис. 1 Интерьер туркменской юрты. Экспозиция «Туркмены». 1938 г.
Из собрания Российского этнографического музея, Санкт-Петербург

«Новая женщина Востока» должна была полностью отличаться от бесправной, немой женщины традиционного общества. В качестве символа угнетения была выбрана паранджа — головное покрывало, скрывавшее все тело и лицо женщины. Борьба с паранджой вошла в советскую кампанию «Худжум», посвященную раскрепощению восточных женщин. Как провозглашали плакаты 1920-х гг.: «Красный платок делегатки вытеснит чадру на Советском Востоке!»³¹. Худжум был упомянут и в экспликациях экспозиций музея, посвященных Узбекистану: «В 1926 г. разворачивается “Худжум” — кампания по раскрепощению женщин. Активную роль играл в ней кишлячный актив. <...> Женщина, получая специальность, втягивалась в производство и становилась экономически независимой, рвала старое закрепощение»³². Упоминалась в экспликациях и цена, которая была заплачена за успех кампании: «Бешенное сопротивление кампании оказывали контрреволюционные элементы — беи и муллы, т.к. они лишались объекта своего влияния

²⁹ Фототека РЭМ. ИМЗ-69.

³⁰ Фототека РЭМ. ИМЗ-90.

³¹ Атанова С.А. «Боритесь за освобождение женщины Востока!». С. 156.

³² АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 479. Статьи, заметки, копии документов, собранные к экспозиции «Узбеки в прошлом». 1936 г. Л. 105.

и эксплуатации. По неполным данным за 1928 г. в УЗССР убито свыше 270 женщин»³³. Результатом успешных действий СССР на Востоке стало, по мнению экспозиционеров, появление новой женщины: «Раскрепощенная женщина на всех фронтах — в производстве и в колхозе, в науке и технике, на руководящей партийной и советской работе — является равноправной и сознательной участницей социалистического строительства»³⁴. В экспозициях музея, презентующих новый быт, «женщина Востока» по-прежнему трудится, но уже не в юрте или глинобитном доме, а на фабрике или в колхозе. Во многом, активная работа по эмансипации в этих богатых хлопком регионах была связана со стремлением советской власти освободить как можно больше рук для работы в текстильной промышленности. Так, на экспозиции «Узбеки в советский период» (1935 г.) была представлена обстановочная сцена: «На текстильном комбинате в Ташкенте»³⁵. Живописное панно изображало мотальный цех, а два женских манекена — работниц комбината. Одна одета в традиционное платье, на голове платок, в руках она держит стопку образцов тканей. Другая в платье, с короткими волосами, покрытыми тюбетейкой, записывает на доске выработки за день на доске соревнования. Эти образы контрастируют с теми, которые были представлены в дореволюционной части экспозиции, где обязательно была показана паранджа, полностью скрывающая манекен.

Важной особенностью новых экспозиций стало также повествование о реальных женщинах, прославившихся своим трудом на благо СССР. В отличие от прежних способов показа, авторы новых экспозиций наделяли женщин именами, тем самым выводя их из безымянного множества собирательных образов. Например, на выставке «Женщины в СССР» примером того, как «женщины отсталых в прошлом национальностей вовлекаются в социалистическую промышленность» становится туркменка Караджаева, «выполняющая план работы на 150 %, работает на текстильной фабрике в Ашхабаде»³⁶. Ее фотография, наряду с изображениями летчицы В. Гризодубовой и стахановки П. Ангелины, должна была продемонстрировать безграничные возможности новых советских женщин.

Помимо показа модернизированного труда на комбинате, важно было продемонстрировать значимость женского просвещения и образования. Так, в разделе «Узбеки в настоящем» размещался щит «Просвещение» с диаграммами и фотографиями, на которых были запечатлены женщины Узбекистана во время занятий в вечерней школе, на партийных встречах и т.д. Перед щитом поместили небольшую обстановочную сцену: узбечка, одетая в тюбетейку и белый халат, сидит за микроскопом и сосредоточено что-то рассматривает³⁷ (рис. 2). Сочетание мужской тюбетейки и белого халата является важным маркером новой женщины, чей костюм символизирует, с одной стороны, размытие традиционных гендерных границ в одежде, а с другой стороны, транслирует национальную по форме и социалистическую по содержанию новую культуру.

Важным нововведением было стремление показать женский досуг. В отличие от обстановочных сцен, репрезентирующих дореволюционный период, советский раздел экспозиции демонстрировал вовлеченность женщин в общественную жизнь. В экспозиции «Народы Северного Кавказа» (1939 г.) было представлено панно «Праздник Первого

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Описание фотоколлекции РЭМ «История музея». ИМЗ-32. Л. 8 об.

³⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 790. Фото-графики и схемы к теме «Женщины в СССР». Л. 3.

³⁷ Фототека РЭМ. ИМЗ-83.

Рис. 2 Раздел «Просвещение». Часть экспозиции «Узбеки в прошлом и настоящем». 1935 г. Из собрания Российского этнографического музея, Санкт-Петербург

месте было немислимым. Советская красная чайхана была создана с совершенно иной целью — она должна была стать культурным центром, площадкой для обучения и ликвидации безграмотности. Красная чайхана была открыта для женщин: «в начале 1936 г. было решено создать женский клуб на базе одной из красных чайхан ...»⁴¹. Таким образом, обстановка сцена демонстрирует новое положение женщины в советском обществе: она не просто получает доступ в общественное пространство, но находится в центре него, занимаясь общественно полезным делом — созданием стенгазеты.

Помимо общественно значимой работы, новая советская женщина Востока имела права и на отдых. В отличие от дореволюционных разделов, на экспозициях, посвященных советскому периоду, находит отражение женский досуг. Так, например, в обстановочной сцене «Дом зажиточного колхозника» были показаны две отдыхающие женщины, — хозяйка дома и гостя — которые сидят на ковре под навесом дома, рядом с ними

³⁸ Фототека РЭМ. ИМЗ-68.

³⁹ Фототека РЭМ. ИМЗ-84.

⁴⁰ Хотелось бы отметить, что идентифицировать женскую фигуру на фотоснимке экспозиции было затруднительно: манекен повернут в три четверти, на голове — короткие волосы и тюбетейка. Однако, сопоставление этого кадра с другими, изображающими женщин на ткацком комбинате и за микроскопом, позволило определить женский костюм на данном манекене.

⁴¹ *Набиев Н.* Роль культурно-просветительных учреждений в развитии новой культуры в северных районах Таджикистана в первой половине XX века (на примере Джабборрасуловского района) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. № 5 (61). 2014. С. 185.

стоят фрукты. Справа от женщин находятся юноша с велосипедом и ребенок. Эта сцена контрастирует с дореволюционными разделами экспозиций, где отдых являлся показателем привилегированного положения зажиточных мужчин.

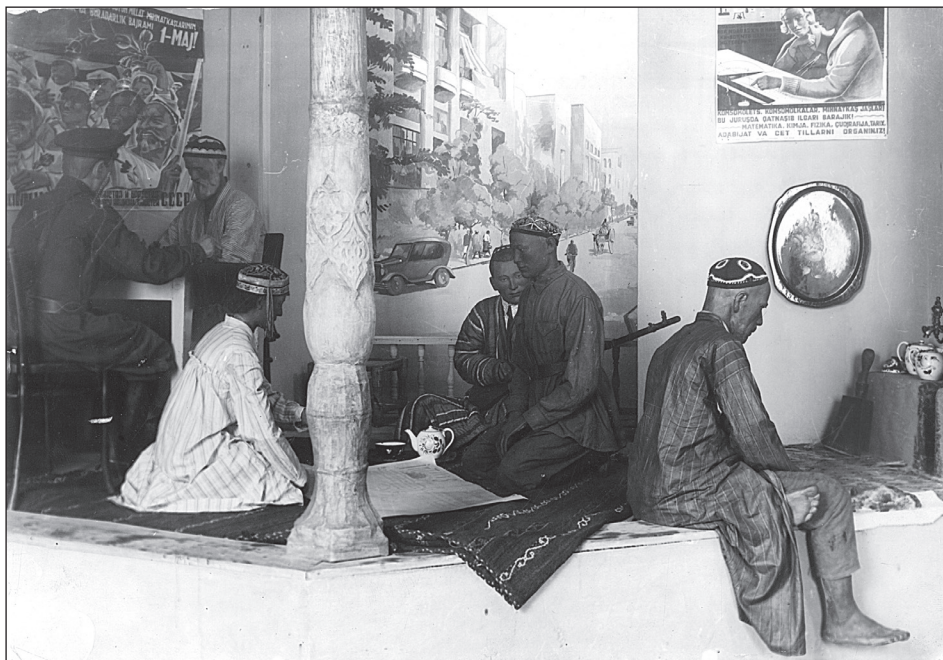

Рис. 3 Раздел «Красная чайхана». Часть экспозиции «Узбеки в прошлом и настоящем». 1935 г. Из собрания Российского этнографического музея, Санкт-Петербург

Заключение

В 1920–1930-х гг. в этнографическом музее произошли значительные изменения в методе показа культуры народов СССР. На смену научному, эволюционистскому подходу пришел новый метод показа, направленный на демонстрацию позитивных изменений, которые произошли в стране, благодаря советской власти. Наиболее ярко эта перемена могла быть показана на примере женщин советского Востока, которые из жертв религии, патриархата и капитализма превратились в освобожденных, равноправных членов социалистического общества. На смену парандже пришла красная косынка, а традиционные практики затворничества сменились вовлеченностью женщин в общественную работу, производство и партийную деятельность.

Несомненно, процесс модернизации на советском Востоке внес значительные изменения в женскую повседневность. Однако, стоит обратить внимание на тот факт, что восприятие роли женщины в мусульманском обществе было во многом обусловлено европоцентристским взглядом тех, кто занимался этнографическими исследованиями. Стремление спасти «женщин Востока» являлось неотъемлемой частью колониальной политики по всему миру. Как пишет Л. Ахмед, «все по существу настаивали на том, что мусульмане должны были отказаться от своей родной религии, обычаев и одежды, <...>, и для всех них покрывала и обычаи в отношении женщин были главными вопросами, требующими реформы. И все они взяли на себя право осуждать чужой образ жизни, и в частности покрывало, и подрывать культуру во имя того, чему, как им казалось,

они служат»⁴². Советские экспозиционеры продолжали эту традицию: они использовали этнографический материал для того, чтобы подкрепить свои идеологические убеждения. Оправдывая советскую политику на Востоке, которая не только повлекла за собой культурные трансформации, но и унесла человеческие жизни, советские этнографы стремились продемонстрировать контраст между царским и послереволюционным периодом, используя «женский вопрос» и, тем самым, колонизируя женщин во второй раз. Ликвидация женотделов привела к тому, что «женский вопрос» регулировался, исходя из маскулинных представлений о новой советской женщине, которая должна была вместить в себя опыт стахановской труженицы и добропорядочной хозяйки и матери. В музейных экспозициях презентация женского вопроса постепенно свелась к небольшим обязательным упоминаниям в экспликациях о достижениях советской власти, однако, музейное пространство так и не стало площадкой для дискуссии о женской значимости в культуре.

Список литературы

Абашин С.Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 848 с.

Алферова И.В. Большевицкая женская печать 1920-х гг. как средство социального конструирования «новой советской женщины» // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 3. С. 106–111.

Атанова С.А. «Боритесь за освобождение женщины Востока!». Советские ковры и плакаты за эмансипацию женщин Центральной Азии в 1920–1930-е гг. // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 140–170.

Бородина А., Бородин Д. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-х–30-х годах // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь: Изд-во ТГУ, 2000. С. 45–51.

Минаева О.Д. Журнал «Крестьянка» в 1920 г.: приемы формирования читательской аудитории // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. № 1. С. 128–149.

Набиев Н. Роль культурно-просветительных учреждений в развитии новой культуры в северных районах Таджикистана в первой половине XX века (на примере Джабборра-суловского района) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. № 5 (61). 2014. С. 182–187.

Петрашин С.С. Соцреализм и этнография: изучение и репрезентация советской современности в этнографическом музее 1930-х гг. // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 143–175.

Смагина С.А. «Новая женщина» в советском кинематографе 1920-х гг. как феномен // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 257–266.

Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.

Чуйкина С. Дворянская память. «Бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 259 с.

Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.

⁴² *Ahmed L.* Women and Gender in Islam. Historical Roots of a Modern Debate. New Haven; London, 1992. P. 154.

Ahmed L. *Women and Gender in Islam. Historical Roots of a Modern Debate*. New Haven; London: Yale University Press, 1992. 304 p.

MacMaster N. *Burning the veil: The Algerian war and the 'emancipation' of Muslim women, 1954–62*. New York: Manchester University Press, 2009. 432 p.

Reid S.E. All Stalin's Women: Gender and Power in Soviet Art of the 1930s // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. № 1. P. 133–173.

References

Abashin, S.N. *Sovetskij kishlak. Mezhdru kolonializmom i modernizaciej* [A Soviet Kishlak: Between colonialism and modernity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Press, 2015. 848 p. (in Rus.).

Ahmed, L. *Women and Gender in Islam. Historical Roots of a Modern Debate*. New Haven; London: Yale University Press, 1992. 304 p.

Alferova, I.V. Bol'shevistskaya zhenskaya pechat' 1920-h gg. kak sredstvo social'nogo konstruirovaniya «novoj sovetskoj zhenshchiny» [Bolshevik women's print in the 1920s as a means of social construction of the "new Soviet woman"], in *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2011. Vol. 3. P. 106–111. (in Rus.).

Atanova, S.A. «Borites' za osvobodzhenie zhenshchiny Vostoka!». Sovetskie kovry i plakaty za emansipaciyu zhenshchin Central'noj Azii v 1920–1930-e gg. ["Fight for the liberation of the woman of the East!"]. Soviet carpets and posters for the emancipation of women in Central Asia in the 1920s–1930s, in *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2021. Vol. 3. P. 140–170. (in Rus.).

Borodina, A., Borodin, D. Baba ili tovarishch? Ideal novej sovetskoj zhenshchiny v 20-h–30-h godah [Broad or friend? The ideal of the new Soviet woman in the 20s and 30s], in *Zhenskie i gendernye issledovaniya v Tverskom gosudarstvennom universitete*. Tver': TGU Publishing house, 2000. P. 45–51. (in Rus.).

Chujkina, S. *Dvoryanskaya pamyat'. "Byvshie" v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30-e gody)* [Noble memory. "Former" in the Soviet city (Leningrad, 1920–30s)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge Press, 2006. 259 p. (in Rus.).

MacMaster, N. *Burning the veil: The Algerian war and the 'emancipation' of Muslim women, 1954–62*. New York: Manchester University Press, 2009. 432 p.

Minaeva, O.D. Zhurnal «Krest'yanka» v 1920 g.: priemy formirovaniya chitatel'skoj auditorii [Journal "Peasant Woman" in 1920: methods of forming a readership], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2014. Vol. 1. P. 128–149. (in Rus.).

Nabiev, N. Rol' kul'turno-prosvetitel'nyh uchrezhdenij v razvitii novej kul'tury v severnyh rajonah Tadzhikestana v pervoj polovine XX veka (na primere Dzhabborrasulovskogo rajona) [The role of cultural and educational institutions in the development of a new culture in the northern regions of Tajikistan in the first half of the 20th century (on the example of the Jabborrasulovsky district)], in *Vestnik Tadzhikestanskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnykh nauk*. 2014. Vol. 5 (61). P. 182–187. (in Rus.).

Petryashin, S.S. Soorealizm i etnografiya: izuchenie i reprezentaciya sovetskoj sovremenosti v etnograficheskom muzee 1930-h gg. [Social realism and ethnography: the study and representation of Soviet modernity in the ethnographic museum of the 1930s], in *Antropologicheskij forum*. 2018. Vol. 39. P. 143–175. (in Rus.).

Reid, S.E. All Stalin's Women: Gender and Power in Soviet Art of the 1930s, in *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. № 1. P. 133–173.

Smagina, S.A. «Novaya zhenshchina» v sovetskom kinematografe 1920-h gg. kak fenomen [“New Woman” in the Soviet cinema of the 1920s as a phenomenon], in *Vestnik slavyanskih kul'tur*. 2019. Vol. 51. P. 257–266. (in Rus.).

Stajts, R. *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Feminizm, nihilizm i bol'shevizm 1860–1930* [Women's liberation movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism 1860–1930]. Moscow: ROSSPEN Press, 2004. 616 p. (in Rus.).

Yukina, I.I. *Russkij feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity]. Saint-Petersburg: Aletejya Press, 2007. 544 p. (in Rus.).